

Эволюция российской диаспоры в Северо-Восточном Китае (конец XIX – середина XX в.)*

Сергей Смирнов

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Evolution of the Russian Diaspora in Northeast China (Late 19th – Mid-20th Centuries)

Sergey Smirnov

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Based on the fundamental statement that the Russian immigrant community in Northeast China in the late nineteenth – mid-twentieth centuries was a diaspora, this article examines the process of transformation of the nature of the Russian diaspora and the peculiarities of its functioning at certain stages of its existence. The research is based on the conceptual ideas of Imperial and Diaspora Studies. There are four stages of the existence of the Russian diaspora in Manchuria, which differ in the nature of the interaction of Russian immigrants with a foreign cultural environment, due to the sociolegal, economic, and political situation of the diaspora, as well as sociopolitical and sociocultural conditions of the living environment. The Russian immigrant community was formed as an imperial diaspora during the period of Russian domination in Manchuria. Despite the decline of the political and legal status and the marginalization in the early 1920s and later the split into politically antagonistic Soviet and Emigrant colonies, the diaspora retained elements of imperial consciousness and the desire for national and cultural autonomy. In the case of the Soviet colony, this was accompanied by attempts at a new “imperial” expansion in the form of Sovietization of the former alienated zone of the CER. In its turn, focused on the Sinification of the former alienated zone, the policy of the Chinese authorities led to a conflict of interests

* *Citation:* Smirnov, S. (2024). The Evolution of the Russian Diaspora in Northeast China (Late 19th – Mid-20th Centuries). In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 1. P. 49–65. DOI 10.15826/qr.2024.1.864.

Цитирование: Smirnov S. The Evolution of the Russian Diaspora in Northeast China (Late 19th – Mid-20th Centuries) // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 1. P. 49–65. DOI 10.15826/qr.2024.1.864 / Смирнов С. Эволюция российской диаспоры в Северо-Восточном Китае (конец XIX – середина XX в.) // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 1. С. 49–65. DOI 10.15826/qr.2024.1.864.

and hindered the process of integration of Russian immigrants, which was already complicated by the cultural and religious alienation of the living environment. The capture of Manchuria by the Japanese and the creation of the state of Manchukuo, which led to the disappearance of the Soviet colony, actualised the problem of the Russian diaspora's integration into the multinational community of Manchukuo. Implemented within the framework of the Japanese pan-Asian national policy, the integration led to the strengthening of national defence tendencies and a significant numerical decline of the Russian diaspora. After 1945, the Russian diaspora, which was subjected to political repression, experienced intensive Sovietization and turned into an instrument of Soviet policy in Northeast China. The history of the diaspora ended with mass repatriation and remigration of 1954–1961.

Keywords: Russian diaspora, Russian emigration, imperial diaspora, alienated zone of the CER, national communities, integration, Manchuria, Manchukuo

На основании совокупности признаков, позволяющих характеризовать российское иммигрантское сообщество в Северо-Восточном Китае в конце XIX – середине XX в. в качестве диаспоры, исследуются процесс трансформации характера диаспоры и особенности ее функционирования на отдельных этапах существования. Концептуальной базой выступают наработки в рамках имперских и диаспорных исследований. Выделяются четыре этапа существования российской диаспоры в Маньчжурии, различающиеся по характеру взаимодействия российских иммигрантов с инокультурным окружением, что обусловлено социально-правовым, экономическим и политическим положением диаспоры, а также социально-политическими и социально-культурными условиями среды проживания. Сформировавшись в качестве имперской диаспоры в период российской доминирования в Маньчжурии, существенно выросшее за счет притока беженцев в период Гражданской войны в России российское иммигрантское сообщество, даже испытав в начале 1920-х гг. падение политико-правового статуса и маргинализацию, а в дальнейшем раскол на политически антагонистические советскую и эмигрантскую колонии, сохранило элементы имперского сознания и стремление к национально-культурной автономизации, сопровождавшееся в случае советской колонии попытками новой «имперской» экспансии в виде советизации бывшей полосы отчуждения КВЖД. В свою очередь, политика китайских властей, ориентированная на китаизацию бывшей полосы отчуждения, вела к конфликту интересов и препятствовала процессу интеграции российских иммигрантов, и без того осложненному культурно-религиозной чуждостью среды проживания. Захват Маньчжурии японцами и создание государства Маньчжоу-го, приведшие к исчезновению советской колонии, актуализировали процесс интеграции российской диаспоры в многонациональное сообщество Маньчжоу-го, реализовавшийся в рамках японской паназиатской национальной политики. Результатами этого стали усиление национально-охранительных тенденций и значительное численное сокращение российской диаспоры. После 1945 г. российская диаспора, подвергаясь политическим репрессиям,

пережила интенсивную советизацию и превратилась в инструмент советской политики на северо-востоке Китая. Ее история закончилась массовой репатриацией и реэмиграцией 1954–1961 гг.

Ключевые слова: российская диаспора, русская эмиграция, имперская диаспора, полоса отчуждения КВЖД, национальные общины, интеграция, Маньчжурия, Маньчжоу-го

В первой половине XX в. Россия стала одним из крупнейших центров миграционной активности, что привело к образованию во многих странах российских общин. Вопрос, можно ли отнести российские эмигрантские общины к диаспоре (диаспорам), до сих пор остается открытым, в том числе по причине быстрой ассимиляции русских мигрантов в принимающих обществах евро-американского культурного ареала. Совсем по-другому обстоят дела в азиатских странах, где российские иммигрантские сообщества демонстрируют тенденцию к диаспоризации. Ярким примером этого является история российской общины в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии) в конце XIX – середине XX в.

В исследовании понятие «диаспора» используется в наиболее широком значении, характерном для большинства современных подходов [Восток России; Российская диаспора; Сафран]: диаспора – любое живущее в инородном окружении этническое или конфессиональное (эндогамное) меньшинство, объединяемое общим самосознанием, которое выражается в чувстве групповой солидарности.

Ни один из предлагаемых в многочисленных исследованиях, посвященных диаспорам, критериев выделения не является абсолютным [Российская диаспора, гл. 1]. Между тем целесообразно обозначить ряд обязательных признаков, без наличия которых сообщество мигрантов не может считаться диаспорой. К ним относятся сохранение этнического самосознания; наличие ментальной связи диаспоры и расселенной в границах этногенетического ареала части исходного этноса; незавершенность интеграции отделившейся части этноса в инородной социально-политической и культурной среде нового ареала обитания; присутствие «национальной идеи», иногда связанной с возвращением на историческую родину или с желанием ее воссоздать. Диаспора всегда институциональна, она обладает набором организованных форм (институтов), направленных на сохранение этнокультурной идентичности и выполнение социальных, экономических, политических и других функций [Восток России, с. 326, 327].

Все эти признаки присутствуют в случае российского сообщества мигрантов в Маньчжурии. Имеющаяся на сегодняшний день обширнейшая историография, посвященная отдельным сферам деятельности, внутренним процессам, социальным и этническим группам, институтам российского иммигрантского сообщества в Маньчжурии, позволяет осуществлять обобщения относительно *сущностных ха-*

рактистик и динамики развития российской диаспоры в Северо-Восточном Китае на протяжении всего периода ее существования (конец 1890-х – начало 1960-х гг.), что и составляет цель нашего исследования. Среди современных исследований, сфокусированных на близких проблемах, наибольший интерес представляют работы Д. Вульфа, Ф. Грюнера, С. Урбански, рассматривающих историю российской общины в Маньчжурии через призму концепций имперского фронта и транснациональности [Урбански; Grüner; Wolff]. Разнообразие исследовательских подходов к характеристике российского присутствия в Маньчжурии, особенно в период до 1917 г., формирует поле для научной дискуссии, призывом к открытию которой может служить настоящая статья.

Российская диаспора в Маньчжурии прошла в своем развитии четыре этапа, основанием для выделения которых служат характер взаимодействия диаспоры с инородным окружением и изменение самой социально-политической и социально-культурной среды, в которой функционирует диаспора.

«Имперская» диаспора (1898–1920)

Российская диаспора в Маньчжурии первого периода ее существования, согласно классификации диаспор Р. Коэна [Сафран, с. 142], характеризуется в качестве «имперской», сложившейся в процессе колониального освоения Российской империей Северо-Восточного Китая.

В результате целого ряда соглашений между Россией и Китаем на рубеже XIX–XX вв., предоставившего российской стороне права строительства в Маньчжурии (северо-восток Китая) железной дороги (Китайско-Восточная железная дорога – КВЖД) и участия в экономическом освоении края, сформировалась особая административно-хозяйственная территория – полоса отчуждения КВЖД. Фактическое административное управление в полосе отчуждения принадлежало не китайским властям, а располагавшемуся в Санкт-Петербурге Правлению Общества КВЖД, которое в полосе отчуждения было представлено имевшим широкие полномочия управляющим железной дорогой генералом Д. Л. Хорватом (1902–1920), а также общественным управлениям в Харбине на ст. Хайлар и Маньчжурия. Русская администрация имела в полосе отчуждения свои «войска» – Заамурский округ Отдельного корпуса пограничной стражи, полицию и жандармерию. Здесь действовали российские судебные, конфессиональные и образовательные институты, а также существовала русская экономическая «ниша», ограниченная преимущественно структурами КВЖД, торгово-промышленной сферой и сферой свободных профессий [Друзьяка].

Российское население полосы отчуждения, составившее к началу Первой мировой войны более 100 тыс. чел., имело, как и другие иностранцы, особый правовой статус (экстерриториальность и право консульской юрисдикции) и более высокий уровень жизни в сравнении с основной массой китайского населения края.

Расселение русских в полосе отчуждения было достаточно компактным – в пределах станционных поселков КВЖД, застраивавшихся стандартными особняками. Харбин, административный и деловой центр полосы отчуждения, по своей архитектонике был близок к российским провинциальным городам [Левашко]. Китайское население Харбина было сосредоточено в основной своей массе в пригороде Фуцзядань или компактно расселялось в пределах отдельных улиц в районе пристани и Нового города [Wolff, p. 92, 93].

Будучи частью привилегированного национального сообщества, русские не только не стремились интегрироваться в китайскую среду¹, к тому же кардинально отличавшуюся по своим этнокультурным и религиозным параметрам от российской, но и предпринимали активные усилия по экономическому и культурному освоению китайской территории. Важную роль в этом играла главная исследовательская структура КВЖД – экономическое бюро [Дорофеева].

Российская дореволюционная публицистика, посвященная русской деятельности в Маньчжурии, была преисполнена имперских ориенталистских мотивов. Российское влияние в деле освоения «дикой» Маньчжурии, особенно до русско-японской войны, описывалось как прогрессивное в духе исторической культурно-просветительской миссии, которую Россия имеет право реализовать в силу своей принадлежности к миру цивилизации и особого срединного положения между Европой и Азией [Grüner, p. 191–193].

Несмотря на положение имперского колонизирующего меньшинства, которое занимало российское население в Маньчжурии, для русских, по мнению многочисленных иностранных наблюдателей, не были характерны ярко выраженный расизм и стремление к расовой сегрегации. Распространенный в русской массовой среде так называемый бытовой расизм не мешал русским активно взаимодействовать с китайцами как в производственных сферах, так и в быту [Ibid., p. 195, 196], а в среде научной общественности был высок интерес к китайской культуре, оценивавшейся достаточно позитивно [Русский Харбин, с. 99–111].

Будучи неоднородной по своему этнокультурному составу, российская диаспора в своем привилегированном положении в отношении китайцев выступала чем-то единым, где даже маргинализованные на собственно российской территории группы населения (например, евреи и поляки) обладали одинаковыми с другими этническими группами правами. Для отдельных этнических групп российской диаспоры в Маньчжурии был характерен процесс собственной национальной диаспоризации, начавшийся еще во второй половине XIX в. в Сибири и на Дальнем Востоке. К таким группам относи-

¹ Одним из показателей этого являлось негативное отношение к смешанным бракам в русской, как, впрочем, и китайской среде полосы отчуждения [Gamsa, p. 49, 59].

лись евреи, поляки, украинцы [Восток России, гл. 5], а также менее консолидированные тюрко-татары.

Важным показателем процесса диаспоризации указанных национальных групп в полосе отчуждения КВЖД являлась институционализация: строительство культовых сооружений, создание национальных организаций, открытие национальных учебных заведений, библиотек, учреждений для охраны здоровья и дома призрения, выпуск собственных печатных изданий [Петрасяк; Романова; Хисамудинов; Шаронова].

Революция 1917 г. и приход к власти большевиков способствовали ослаблению российских позиций в Маньчжурии. Несмотря на то, что управление КВЖД осталось в руках прежней администрации, влияние китайских властей в полосе отчуждения, куда были введены китайские войска, существенно выросло. Падение Омского правительства, которому формально подчинялось Управление КВЖД, и нараставшее противостояние между администрацией Хорвата и левой Объединенной конференцией профсоюзов обусловили окончательный переход власти в полосе отчуждения в марте 1920 г. к китайской администрации [Мелихов, гл. 2].

Осенью того же года китайское правительство ликвидировало особый правовой статус русского населения, упразднило российские дипломатические и судебные учреждения. Русское население перешло в разряд людей без гражданства, юридически подчиненных китайским законам. Кроме того, революция и Гражданская война в России оказали большое влияние на изменение структуры российской диаспоры. За период 1918–1922 гг. численность русского населения в Маньчжурии значительно превысила показатель в 300 тыс. чел.², а структура диаспоры приобрела «двуслойность». Наряду со старожилами («кавэжэдинцами»), прибывшими в Маньчжурию еще до революции, появились эмигранты, расселявшиеся также преимущественно в полосе отчуждения.

Советские и эмигранты: одна или две диаспоры (1920–1935)

Установление китайской власти в полосе отчуждения, ликвидация особых прав для русского населения и переход его под китайскую юрисдикцию были восприняты в эмигрантских кругах как катастрофа и проявление китайцами акта агрессии. Российская общественность развернула борьбу за сохранение русских судебных учреждений, рассматривавшихся в качестве одного из символов цивилизованности [Наземцева, с. 58–59]. Русская пресса Маньчжурии подогревала общественное мнение описанием ужасов перехода русских под власть китайских чиновников и превращения бывших

² В результате репатриации и реэмиграции части эмигрантов количество бывших российских поданных в Маньчжурии сократилось в середине 1920-х гг. до 200–230 тыс. чел.

«империалистов» в жертвы стремительно растущего китайского национализма [Попов].

Однако китайская администрация заняла жесткую позицию по русскому вопросу, а крушение белого движения на Дальнем Востоке заставило иностранные державы отказаться от вмешательства в этот вопрос. В дальнейшем китайские власти не признали введенные Лигой Наций для беженцев нансеновские паспорта и отрицательно отнеслись к идее предоставления русским статуса национального меньшинства. Тем не менее, китайцы не решились на слишком радикальные перемены в бывшей полосе отчуждения, которая получила специальный статус Особого района восточных провинций (ОРВП). К тому же собственником КВЖД оставался Русско-Азиатский банк, поэтому управление дорогой сохранилось преимущественно в руках представителей российской, а с 1924 г. – советской стороны.

Осуществляя процесс китаизации бывшей полосы отчуждения, китайская администрация действовала достаточно компромиссно [Carter; Chiasson]. Новые судебные учреждения были созданы с учетом интересов русского населения, русское представительство сохранилось в Харбинском общественном управлении вплоть до его ликвидации в 1926 г., русские, получившие китайское гражданство, не предполагавшее натурализации, имели право служить в китайской полиции и армии. В ОРВП продолжали действовать заметно выросшие количественно российские конфессиональные, культурные и образовательные структуры. Роль своеобразного общественного представительства эмигрантской колонии перед китайскими властями играл созданный в 1923 г. Харбинский комитет помощи русским беженцам (ХКПРБ).

Произошло некоторое расширение русской экономической ниши в Маньчжурии, прежде всего за счет значительного увеличения русского земледельческого района в Трехречье, а также ее определенная маргинализация – возрастание доли обслуживающего и низкоквалифицированного труда. В то же время ядром русской экономической ниши остались КВЖД и структуры, с ней связанные. В 1924 г. из 16 750 сотрудников железной дороги русские составляли 11 071 чел., остальная часть приходилась на китайцев, среди которых 3 688 чел. были заняты поденным трудом [Наземцева, с. 130]. В дальнейшем эта ситуация выровнялась. На январь 1929 г. из 27 839 чел., работавших на КВЖД, 13 299 были советскими гражданами, 14 540 – китайскими, из которых 2 877 – русскими по национальности [Яхимович, с. 48]. КВЖД, на протяжении 1920-х гг. оставаясь преимущественно русским предприятием, в известной мере сохранила роль главного локомотива экономического и культурного развития Северной Маньчжурии.

Поворотными событиями в жизни российской диаспоры стали установление в мае 1924 г. советско-китайских дипломатических отношений и учреждение совместного управления КВЖД, обеспечившие возвращение российского экономического присутствия в Мань-

чжурии и установление принципа гражданской принадлежности для сотрудников железной дороги, что привело к расколу российской диаспоры на советских граждан и эмигрантов (включая русских, принявших китайское подданство). Согласно китайским данным, к концу 1920-х гг. только в ОРВП насчитывалось не менее 45 тыс. советских граждан и 65 тыс. эмигрантов и русских китайского подданства [Кротова, 2012, с. 70]. Таким образом, «двуслойность» российской диаспоры в Маньчжурии сохранилась, но приобрела иной характер.

Советская колония, в массе своей представленная старожилыми-«кавэжэдинцами», отличалась высокой степенью консолидации и политизации. Тон здесь задавали нелегально действовавшие партийные и комсомольские организации, а также находившиеся под руководством коммунистов и легально работавшие профсоюзы. Данные структуры контролировали процесс советизации институтов диаспоры и самих «кавэжэдинцев», при этом основное внимание уделялось работе с молодежью. В ведение советской администрации КВЖД перешли все учебные заведения, финансируемые дорогой, спортивные и культурные учреждения, работа которых теперь строилась на идеологических основаниях. Дети «кавэжэдинцев» втягивались в деятельность отделов молодежи («отмол»), имевших легальный статус, и советских культурно-просветительских объединений, которые наряду со школой прививали им новый советский образ жизни [Яхимович, с. 67–69, 76, 83–85, 107].

Эмигрантская часть российской диаспоры имела гораздо меньший уровень консолидации и в массе своей стремилась быть вне политики. Претендовавшие на руководящую роль в объединении беженской массы политические круги эмиграции погрязли в междоусобной борьбе и не пользовались широкой поддержкой эмигрантов. Вплоть до середины 1930-х гг. крупнейшей русской общественной организацией в Харбине оставался ХКПРБ, который старался держаться вне политики, критикуя усилия антисоветских организаций по политизации эмигрантской колонии, что ставило эмигрантов под удар как со стороны большевиков, так и со стороны китайских властей. Главным консолидирующим фактором в жизни эмигрантской колонии являлось стремление сохранить свою национально-культурную идентичность и в будущем возвратиться на родину. Все эмигрантские институты (школа, церковь, культурные и общественные организации) были ориентированы на реализацию национально-охранительной стратегии.

Отношения между двумя частями диаспоры были весьма напряженными, особенно на уровне молодежи [Кротова, 2010, с. 127–134]. Однако в своем отношении к китайскому окружению советская и эмигрантская колонии были близки: ни советские граждане, ни эмигранты не стремились интегрироваться в социально-культурную среду Маньчжурии. Но если для эмигрантской колонии, испытывавшей давление как со стороны китайцев, так и со стороны советской колонии, была характерна национально-охранительная политика, вы-

раженная в стремлении к национально-культурной автономизации, то для советской – «имперско»-наступательная.

«Имперско»-наступательная политика советской колонии была обусловлена как стремлением сохранить некоторую привилегированность своего положения, так и задачей революционизации Китая, который в середине 1920-х гг. в планах Москвы имел первостепенное значение как эпицентр мировой революции в Азии. Под руководством политического актива советская колония предпринимала агрессивные выпады против Мукденской администрации и китайцев вообще, что вызывало критику из центра, поскольку давало возможность китайцам обвинять советскую сторону в «красном шовинизме и империализме» [Яхимович, с. 90, 91].

Наиболее серьезное противостояние между советской колонией и китайскими властями Маньчжурии наблюдалось в 1929 г. в период советско-китайского вооруженного конфликта вокруг КВЖД. Показательно, что и в эмигрантской среде победа Советского Союза в конфликте была воспринята с радостью как победа русских над китайцами [ГААОСО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 2. Л. 39; ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 10. Л. 99].

Оккупация Маньчжурии японской Квантунской армией и образование здесь в марте 1932 г. под ее протекцией «независимого» государства Маньчжоу-го (с 1934 г. – империя – Маньчжу-ди-го) заметно ухудшили положение советской колонии, почти полностью прекратившей свое существование после продажи в 1935 г. советской стороной своих прав на КВЖД. Основная масса советских граждан была репатриирована в Советский Союз. Большинство отказавшихся возвратиться на родину в дальнейшем были вынуждены перейти в эмигрантское состояние.

В среде эмигрантской колонии создание нового государства активизировало стремление к национально-культурной автономии, формально подкрепленное предоставлением эмигрантам, имевшим статус иностранцев, постоянно проживающих на территории империи, равных прав с пятью государственными нациями Маньчжоу-го. Другой важной особенностью функционирования эмигрантской колонии в первой половине 1930-х гг. стало усиление позиций де-факто легализованных политических организаций, способствовавших политизации жизни колонии [Смирнов, с. 444–446].

Для нерусских национальных групп российской диаспоры 1920-е гг. стали периодом нарастания национально-диаспоральной автономизации, активизированной революцией 1917 г. Усиление диаспоризации крупных национальных групп (исключая поляков) во многом было связано с выходом на первый план в еврейской общине сионистов, ратовавших за формирование еврейского национального очага в Палестине, а в украинской и тюрко-татарской общинах – укреплением позиций националистов, поддерживавших идею создания собственных независимых государств на части территории СССР. После создания Маньчжоу-го украинский и тюрко-татарский национализм получили поддержку со стороны японских спецслужб,

что усилило национальную «автономизацию» внутри диаспоры [Усманова; Сірко].

Российская диаспора в Маньчжурской империи (1935–1945)

С середины 1930-х гг. важными процессами в жизни российской диаспоры стали консолидация на политической (антисоветской) основе и интеграция в общество Маньчжу-ди-го. Эти процессы направлялись и контролировались со стороны японских спецслужб, в планах которых кадровый потенциал эмиграции мог быть использован как в развитии нового государства, так и в борьбе против СССР.

Консолидация диаспоры осуществлялась под руководством про-японских политических кругов, занявших лидирующие позиции в Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), созданном в конце 1934 г. при активном участии Японской военной миссии и выступавшем в качестве административного представительного органа диаспоры перед лицом властей Маньчжу-ди-го. Полупринудительный характер консолидации вызвал массу недовольства эмигрантов и способствовал оттоку русского населения из Маньчжурии. Но даже на политическом уровне консолидация не была полной. После ликвидации всех недостаточно прояпонских политических организаций в эмигрантской среде сохранились две противоборствующие группировки – фашисты и монархисты, окончательно упраздненные японцами в начале 1940-х гг. [Аурилене, Потапова, п. 2.2].

До 1942 г. нерусские национальные общины не входили под управление БРЭМ, но отказ японцев с началом Великой Восточноазиатской войны (1941–1945) от дальнейшей поддержки антисоветски настроенных украинских и тюрко-татарских националистов привел к установлению руководства бюро над всеми национальными группами диаспоры. Руководящим деятельностью национальных общин органом стал Совет национальностей, опиравшийся на идею многонационального российского сообщества [Смирнов, с. 447].

Укрепление единства российской диаспоры шло на фоне процесса ее интеграции в общество Маньчжу-ди-го. Первоначально организация многонационального общества Маньчжурской империи планировалась японцами в виде федерации национально-культурных автономий. Русские, не являясь подданными империи, тем не менее, к концу 1930-х гг. стали все чаще позиционироваться как одна из пяти наций Маньчжу-ди-го, получив наравне с другими нациями права участия в работе Киовакай (единственной общеманьчжурской организации), наделения земель, обучения в государственных вузах, службы в вооруженных силах империи [Аурилене, Потапова, п. 2.3].

Институты диаспоры были подвергнуты трансформации для облегчения процесса ее интеграции в общегосударственные структуры. Особенно это касалось образовательных учреждений, приведенных в своих программах к общегосударственным стандартам, но сохра-

нивших в то же время национальный компонент. Вся русская учащаяся молодежь была включена в общегосударственные детско-юношеские объединения Кювакай, призванные воспитывать нового гражданина [Булатов].

В связи с продажей советской стороной КВЖД и почти полным вытеснением из этой сферы занятости русских, сокращением числа образовательных и культурных учреждений, сужением сферы предпринимательства в Маньчжурии резко уменьшилась русская экономическая ниша. Харбин в 1930-е гг. окончательно приобрел характер транснационального города, где заметно поредевшее русское население составляло лишь его незначительную часть. Новым символом «русской» Маньчжурии во второй половине десятилетия стало Трехречье, привлекавшее большое внимание японских этнографов [Урбански, с. 300].

В конце 1930-х гг. японский подход к реализации «нового порядка» изменился, вместо федерации национально-культурных автономий ставка была сделана на формирование единой восточноазиатской нации, базировавшейся на культурно-религиозных ценностях японского народа. Однако политика японизации (широкое внедрение японского языка, ритуализация политической и деловой жизни, попытка внедрения культа богини Аматаэрасу) только усилила национально-охранительные тенденции в эмигрантском сообществе и пассивное сопротивление процессу интеграции. Свою роль в этом сыграла и Великая Отечественная война, приведшая к мощному подъему просоветского патриотизма в эмигрантской среде.

Новая советская диаспора (1945 – начало 1960-х гг.)

В результате разгрома японской армии в августе 1945 г. и ликвидации Маньчжу-ди-го территория Северо-Восточного Китая до весны 1946 г. оказалась под контролем советской военной администрации, которая подвергла эмигрантскую диаспору, в массе своей восторженно встретившую Красную армию, масштабной чистке. Более 10 тыс. эмигрантов были арестованы органами Смерш и репатрированы на территорию Советского Союза [Аблажей, с. 172]. Остальная часть эмигрантов подлежала переводу в советское гражданство.

После выхода в ноябре 1945 г. указа советского правительства «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Маньчжурии» в составе советских дипломатических представительств были созданы специальные комиссии, отвечавшие за восстановление эмигрантов в гражданстве СССР и репатриацию. К концу 1946 г. советское гражданство в Маньчжурии получили более 60 тыс. эмигрантов, включая детей [Аблажей, с. 161]. Небольшая часть диаспоры отказалась принять советское гражданство, надеясь с помощью международных организаций выехать из Китая в Америку или Австралию.

Переход эмигрантов в советское гражданство не давал им права на свободную репатриацию. Маньчжурия в планах советского правительства играла важную роль в связи с восстановлением советских экономических и военных позиций в регионе и превращением его в условиях развернувшейся в Китае гражданской войны в одну из главных опор Китайской компартии и ее вооруженных сил. Советская колония в Маньчжурии должна была выполнять задачи по развитию советско-китайского сотрудничества и укреплению базы китайской революции. Только после победы китайских коммунистов и создания КНР Советский Союз безвозмездно передал свои права на Китайско-Чанчуньскую железную дорогу (бывшую КВЖД) новому китайскому правительству (1952) и вывел свои войска из Порт-Артура и Даляня (1955). В 1954 г. началась массовая репатриация советских граждан из Маньчжурии.

Послевоенное десятилетие прошло для российской диаспоры под знаком интенсивной советизации. Руководство диаспорой было сосредоточено в руках территориальных обществ советских граждан, контролировавшихся консульствами СССР. В Маньчжурии была создана сеть советских образовательных учреждений. Молодые люди в массе своей были включены в работу «Юнака» («Юный активист») и Союза советской молодежи, выполнявших роли пионерской и комсомольской организаций и занимавшихся наряду со школой идеологическим воспитанием молодого поколения. Харбинская епархия и Пекинская миссия православной церкви признали юрисдикцию Московской патриархии, в результате чего появился митрополичий округ, позднее преобразованный в Восточно-Азиатский экзархат РПЦ. Все средства массовой информации, выходившие в Маньчжурии на русском языке, имели просоветский характер [Там же, с. 382–388]. Национальные организации, ранее возглавлявшие процесс диаспоризации национальных групп внутри эмигрантского сообщества, были ликвидированы. Диаспора приобрела характер многонационального советского общества.

Получение эмигрантами советского гражданства, как показывают эго-документы 1950-х гг., не давало им равного статуса с настоящими советскими гражданами, приезжавшими в Маньчжурию из Советского Союза и занимавшими наиболее престижные рабочие места [Последние годы, № 22, с. 69]. Таким образом, вновь обозначилась своеобразная «двуслойность» диаспоры.

В рассматриваемый период заметно расширились контакты между российской диаспорой и китайским обществом, увеличилось количество межнациональных браков. Однако главной причиной этого являлось не стремление русских интегрироваться в китайскую среду, а потребности выживания. Репрессии 1945–1946 гг. лишили диаспору значительной части молодых мужчин, и некоторые русские женщины, особенно в сельскохозяйственных районах Северной Маньчжурии, использовали браки с китайцами как адаптационную стратегию.

Ориентированные на возвращение на родину советские граждане в Маньчжурии не помышляли о долговременной интеграции в китайскую этнокультурную среду. К тому же новые китайские власти, несмотря на заинтересованность в русских квалифицированных кадрах, с начала 1950-х гг. фактически возобновили политику китаизации Маньчжурии [Последние годы, № 23, с. 58–63]. Процесс репатриации стал неизбежным.

В ходе репатриации 1954–1961 гг. территорию Китая покинуло подавляющее большинство советских граждан. На октябрь 1962 г. их в Центральном и Северо-Восточном Китае насчитывалось всего около 3 тыс. чел. [Аблажей, с. 214], большая часть которых планировала выезд в капиталистические страны.

* * *

Важнейшим условием складывания российской диаспоры в Северо-Восточном Китае стала инициированная строительством КВЖД политика имперской колонизации фронтальной территории Маньчжурии, определившая характер диаспоры и ее низкий интеграционный потенциал. Утрата диаспорой привилегированных «имперских» позиций в 1920 г. и ее маргинализация усилили национально-охранительные тенденции внутри разросшегося за счет притока беженцев иммигрантского сообщества, сохранившего в то же время элементы имперского сознания, а развернувшаяся политика китаизации бывшей полосы отчуждения КВЖД вкупе с культурно-религиозной чуждостью китайского общества сделали процесс интеграции русских эмигрантов в это общество крайне затруднительным. Возникшие после раскола диаспоры в середине 1920-х гг. советская и эмигрантская колонии использовали разные стратегии взаимодействия с китайским окружением. Если стратегия национально-культурной автономизации эмигрантской колонии имела определенный интеграционный потенциал, то «имперско»-наступательная стратегия советской колонии, обусловленная задачами советизации и революционизации ОРВП, вела к конфликтам с китайцами и политическому противостоянию с эмигрантами. Попытки японских кругов интегрировать российскую диаспору в многонациональное общество Маньчжоу-го из-за своей непоследовательности и угрозы утраты русскими национально-культурной идентичности, усилившей национально-охранительные тенденции в диаспоре, оказались обречены на неудачу. После 1945 г. российская диаспора, частично подвергнутая политическим репрессиям, пережила интенсивную советизацию и превратилась в инструмент советской политики в Маньчжурии. Образование КНР и возобновление новыми китайскими властями политики китаизации региона ускорили процессы репатриации и реэмиграции.

Важными особенностями российской диаспоры в Маньчжурии являлись ее неоднородный национальный состав и стремление

наиболее крупных национальных групп (евреев, украинцев, тюрко-татар) к диаспоризации и автономизации от русских, достигшие пика в 1920–1930-е гг. Прерванный японской администрацией, этот процесс получил продолжение после 1945 г. только в рамках еврейской общины с ее сильными сионистскими тенденциями.

Библиографические ссылки

Аблажей Н. Н. С востока на восток : Российская эмиграция в Китае. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. 300 с.

Аурилене Е. Е., Потапова И. В. Русские в Маньчжоу-Ди-Го: «эмигрантское правительство». Хабаровск : [Б. и.], 2004. 128 с.

Булатов И. А. Русская молодежь под идеологическим воздействием маньчжурских и японских властей (Маньчжоу-Ди-Го, 1930-е годы) // Новый ист. вестн. 2021. № 2. С. 131–147.

Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск : Отгиск, 2011. 624 с.

ГААОСО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 2.

ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 10.

Дорофеева М. А. Научно-исследовательская и издательская деятельность Экономического бюро КВЖД в Северной Маньчжурии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Вып. 3 / отв. ред. Д. В. Буяров. Благовещенск : Благовещенск. гос. пед. ун-т, 2013. С. 38–43.

Друзьяка А. В. Квантунская область и полоса отчуждения КВЖД: «русские колонии» или «арендованные территории»? // Россия и АТР. 2021. № 3. С. 94–105. DOI 10.24412/1026–8804–2021–3–94–105.

Кротова М. В. Формирование культурной идентичности «белых» и «красных» (на примере Харбина 1920-х гг.) // Науч. тр. Ин-та им. И. Е. Репина. Вопросы теории культуры. 2010. Вып. 15. С. 126–136.

Кротова М. В. Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания // Новый ист. вестн. 2012. № 32. С. 66–83.

Левашко С. С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века. Хабаровск : Частная коллекция, 2003. 176 с.

Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М. : Ин-т рос. истории РАН, 1997. 248 с.

Наземцева Е. Н. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.). СПб. : Алетей, 2016. 446 с.

Петрасяк М. Польская колония в Харбине // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Вып. 4 / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. Благовещенск : Благовещенск. гос. пед. ун-т, 2014. С. 104–109.

Попов Ф. А. Во власти чужой фемиды: ликвидация русских судов в Китае в 1920 г. глазами русской общины // Россия и АТР. 2017. № 1. С. 82–96.

Последние годы в Дальнем и Харбине. Из писем Инес Зариной (Аше) 1951–1957 гг. // Русская Атлантида. 2007. № 22. С. 66–74; № 23. С. 58–63.

Романова В. В. Российские евреи в Харбине // Диаспоры. 1999. № 1. С. 115–142.

Российская диаспора как фактор укрепления национальных интересов России на постсоветском пространстве. М. : Ин-т диаспоры и интеграции, 2011. 148 с.

Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А. А. Забияко, А. П. Забияко, С. С. Левашко, А. А. Хисамутдинов. Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2015. 462 с.

Сафран У. Сравнительный анализ диаспор. Размышления о книге Робина Коэна «Мировые диаспоры» // Диаспоры. 2004. № 4. С. 140–164.

Смирнов С. Русские эмигранты в Маньчжурии и японский новый порядок: крушение надежд // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 440–454. DOI 10.15826/qr.2022.2.680.

Урбански С. За степным фронтиром: история российско-китайской границы / пер. М. Закировой. М. : Новое лит. обозрение, 2023. 480 с.

Усманова Л. Р. Отношения Японской военной миссии в Маньчжурии с национальными меньшинствами российской эмиграции (на примере тюрко-татарской общины) // *Общество и государство в Китае*. 2015. Т. 45, ч. 2. С. 740–749.

Хисамутдинов А. А. С мечтой о возвращении на родину: украинцы в Китае. Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2018. 58 с.

Шаронова В. Г. Тюрко-татарское население в Маньчжурии в годы «белой» эмиграции // *Россия и мусульманский мир*. 2017. № 11. С. 108–119.

Яхимович С. Ю. Советские граждане в Северной Маньчжурии (1924–1935 гг.). Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2015. 254 с.

Carter J. H. *Creating a Chinese Harbin. Nationalism in an International City, 1916–1932*. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2002. 217 p.

Chiasson B. R. *Administering the Colonizer: Manchurian's Russian under Chinese Rule, 1918–1929*. Vancouver ; Toronto : UBC Press, 2010. 285 p.

Cipko S. *Ukrainians in Manchuria, China: A Concise Historical Survey // Past Imperfect*. 1992. Vol. 1. P. 155–173.

Gamsa M. *Mixed Marriages in Russian-Chinese Manchuria // Entangled Histories. The Transcultural Past of Northeast China / ed. by D. Ben-Canaan, F. Grüner, I. Prodöhl*. Cham ; Heidelberg ; N. Y. : Springer, 2014. P. 47–58.

Grüner F. *Russians in Manchuria. From Imperial to National Identity in a Colonial and Semi-Colonial Space // Crossing Boundaries Ethnicity, Race, and National Belonging in a Transnational World / ed. by B. D. Behnken, S. Wendt*. Plymouth : Lexington Books, 2013. P. 183–205.

Wolff D. *To the Harbin Station. The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914*. Stanford : Stanford Univ. Press, 1999. 255 p.

References

Abblazhei, N. N. (2007). *S vostoka na vostok. Rossiiskaya emigratsiya v Kitae* [From East to East. Russian Emigration in China]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN. 300 p.

Aurilene, E. E., Potapova, I. V. (2004). *Russkie v Man'chzhou-Di-Go: "Emigrantskoe pravitel'stvo"* [Russians in Manchukuo: "The Emigrant Government"]. Khabarovsk, S. n. 128 p.

Bulatov, I. A. (2021). *Russkaya molodezh' pod ideologicheskim vozdeistviem man'chzhurskikh i yaponskikh vlastei (Man'chzhou-Di-Go, 1930e gody)* [Russian Youth under the Ideological Influence of the Manchurian and Japanese Authorities (Manchu-Di-Go, 1930s)]. In *New Historical Bulletin*. No. 2, pp. 131–147.

Carter, J. H. (2002). *Creating a Chinese Harbin. Nationalism in an International City, 1916–1932*. Ithaca, Cornell Univ. Press. 217 p.

Chiasson, B. R. (2010). *Administering the Colonizer: Manchurian's Russian under Chinese Rule, 1918–1929*. Vancouver, Toronto, UBC Press. 285 p.

Cipko, S. (1992). *Ukrainians in Manchuria, China: A Concise Historical Survey*. In *Past Imperfect*. Vol. 1, pp. 155–173.

Dorofeeva, M. A. (2013). *Nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' Ekonomicheskogo byuro KVZhD v Severnoi Man'chzhurii* [Research and Publishing Activities of the Economic Bureau of the CER in Northern Manchuria]. In Buyarov, D. V. (Ed.). *Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva*. Iss. 3. Blagoveschensk, Blagoveschenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, pp. 38–43.

Druzyaka, A. V. (2021). *Kvantunskaya oblast' i polosa otchuzhdeniya KVZhD: "russkie kolonii" ili "arendovannye territorii"?* [The Kwantung Region and the CER Exclusion

Zone: “Russian Colonies” or “Leased Territories”?]. In *Rossiya i ATR*. No. 3, pp. 94–105. DOI 10.24412/1026–8804–2021–3–94–105.

GAAOSO [State Archives of the Administrative Bodies of Sverdlovsk Region]. Stock R-4. List 1. Dos. 2.

Gamsa, M. (2014). Mixed Marriages in Russian-Chinese Manchuria. In Ben-Canaan, D., Grüner, F., Prodöhl, I. (Eds.). *Entangled Histories. The Transcultural Past of Northeast China*. Cham, Heidelberg, N. Y., Springer, pp. 47–58.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock R-6599. List 1. Dos. 10.

Grüner, F. (2013). Russians in Manchuria. From Imperial to National Identity in a Colonial and Semi-Colonial Space. In Behnken, B. D., Wendt, S. (Eds.). *Crossing Boundaries Ethnicity, Race, and National Belonging in a Transnational World*. Plymouth, Lexington Books, pp. 183–205.

Khislamutdinov, A. A. (2018). *S mechtoi o vozvraschenii na rodinu: ukraintsy v Kitae* [With the Dream of Returning Home: Ukrainians in China]. Vladivostok, Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. 58 p.

Krotova, M. V. (2010). Formirovanie kul'turnoi identichnosti “belykh” i “krasnykh” (na primere Kharbina 1920-kh gg.) [Formation of the Cultural Identity of “Whites” and “Reds” (with Reference to Harbin in the 1920s)]. In *Nauchnye trudy Instituta imeni I. E. Repina. Voprosy teorii kul'tury*. Iss. 15, pp. 126–136.

Krotova, M. V. (2012). Russkie emigranty v mezhoennoi Man'chzhurii: manipulyazii s grazhdanstvom kak strategiya vyzhivaniya [Russian Emigrants in Interwar Manchuria: Manipulations with Citizenship as a Survival Strategy]. In *Novyi istoricheskii vestnik*. No. 32, pp. 66–83.

Levoshko, S. S. (2003). *Russkaya arkhitektura v Man'chzhurii. Konets XIX–pervaya polovina XX veka* [Russian Architecture in Manchuria. Late 19th–First Half of the 20th Centuries]. Khabarovsk, Chastnaya kolleksiya. 176 p.

Melikhov, G. V. (1997). *Rossiiskaya emigratsiya v Kitae (1917–1924 gg.)* [Russian Emigration in China (1917–1924)]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 248 p.

Nazemtseva, E. N. (2016). *Na mezhdunarodnom urovne: problemy pravovogo statusa russkikh emigrantov v Kitae v sovetsko-kitaiskikh otnosheniyakh (1920–1940-e gg.)* [At the Diplomatic Level: Problems of the Legal Status of Russian Emigrants in China in Soviet-Chinese Relations (1920s–1940s)]. St Petersburg, Aleteiya. 446 p.

Petrasyak, M. (2014). Pol'skaya koloniya v Kharbine [The Polish Colony in Harbin]. In Buyarov, D. V., Kuznetsov, D. V. (Eds.). *Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva*. Iss. 4. Blagoveschensk, Blagoveschenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, pp. 104–109.

Popov, F. A. (2017). *Vo vlasti chuzhoi femidy: likvidatsiya russikh sudov v Kitae v 1920 g. glazami russkoi obschiny* [In the Power of Alien Themis: The Liquidation of Russian Courts in China in 1920 through the Eyes of the Russian Community]. In *Rossiya i ATR*. No. 1, pp. 82–96.

Poslednie gody v Dal'nem i Kharbine. Iz pisem Ines Zarinoi (Ashe) 1951–1957 gg. [The Last Years in Dalny and Harbin. From the Letters of Ines Zarina (Asha) 1951–1957]. (2007). In *Russkaya Atlantida*. No. 22, pp. 66–74; No. 23, pp. 58–63.

Romanova, V. V. (1999). Rossiiskie evrei v Kharbine [Russian Jews in Harbin]. In *Diaspory*. No. 1, pp. 115–142.

Rossiiskaya diaspora kak faktor ukrepleniya natsional'nykh interesov Rossii na postsosvetkom prostranstve [The Russian Diaspora as a Factor of Strengthening Russia's National Interests in the Post-Soviet Space]. (2011). Moscow, Institut diaspory i integratsii. 148 p.

Safran, U. (2004). Sravnitel'nyi analiz diaspor. Razmyshleniya o knige Robina Koena “Mirovye diaspory” [Comparative Analysis of Diasporas. Reflections on Robin Cohen's *Global Diasporas*]. In *Diaspory*. No. 4, pp. 140–164.

Sharonova, V. G. (2017). Tyurko-tatarskoe naselenie v Man'chzhurii v gody “beloi” emigratsii [The Turkic-Tatar Population in Manchuria during the Years of “White” Emigration]. In *Rossiya i musul'manskii mir*. No. 11, pp. 108–119.

Smirnov, S. (2022). Russkie emigranty v Man'chzhurii i yaponskii novyi poryadok: krushenie nadezhd [Russian Emigrants in Manchuria and the Japanese New Order: The Collapse of Hopes]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10. No 2, pp. 440–454. DOI 10.15826/qr.2022.2.680.

Urbansky, S. (2023). *Za stepnym frontirom: istoriya rossiisko-kitaiskoi granitsy* [Beyond the Steppe Frontier: A History of the Sino-Russian Border]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 480 p.

Usmanova, L. R. (2015). Otnosheniya Yaponskoi voennoi missii v Man'chzhurii s natsional'nymi men'shinstvami rossiiskoi emigratsii (na primere tyurko-tatarskoi obschiny) [Relations of the Japanese Military Mission in Manchuria with the National Minorities of the Russian Emigration (with Reference to the Turkic-Tatar Community)]. In *Obschestvo i gosudarstvo v Kitae*. Vol. 45. Part 2, pp. 740–749.

Vostok Rossii: migratsii i diaspori v pereselencheskom obschestve. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov [The East of Russia: Migration and Diasporas in the Resettlement Society. The Turns of the 20th and 21st Centuries]. (2011). Irkutsk, Ottisk. 624 p.

Wolff, D. (1999). *To the Harbin Station. The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914*. Stanford, Stanford Univ. Press. 255 p.

Yakimovich, S. Yu. (2015). *Sovetskie grazhdane v Severnoi Man'chzhurii (1924–1935 gg.)* [Soviet Citizens in Northern Manchuria (1924–1935)]. Khabarovsk, RIO DVYUI MVD Rossii. 254 p.

Zabiyako, A. A., Zabiyako, A. P., Levoshko, S. S., Khisamutdinov, A. A. (2015). *Russkii Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: The Experience of Life Building in the Conditions of the Far Eastern Frontier]. Blagoveschensk, Amurskii gosudarstvennyi universitet. 462 p.

The article was submitted on 30.06.2023